

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ТОСКА ПО
СМЕРТИ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Тоска по смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25905518

Аннотация

«В 1793 году, в Париже, пятого мая, выбросилась из окошка французская гражданка, девица Жанна Ферро, двадцати лет от роду. Она была единственной дочерью суконщика Ферро, семья которого никогда не терпела нужды. Отец принимал участие в партии монтаньяров, – партия эта тогда только еще приближалась к своему расцвету. Жанна и ее мать вели жизнь более спокойную, нежели многие в то время гражданки Парижа, никто из близких семейству не погиб еще в революционной буре, Жанна не имела никаких особых тревог, характером обладала веселым и открытым. Ее самоубийство было необъяснимо...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Зинаида Гиппиус

Тоска по смерти

В 1793 году, в Париже, пятого мая, выбросилась из окошка французская гражданка, девица Жанна Ферро, двадцати лет от роду. Она была единственной дочерью суконщика Ферро, семья которого никогда не терпела нужды. Отец принимал участие в партии монтаньяров, – партия эта тогда только еще приближалась к своему расцвету. Жанна и ее мать вели жизнь более спокойную, нежели многие в то время гражданки Парижа, никто из близких семейству не погиб еще в революционной буре, Жанна не имела никаких особых тревог, характером обладала веселым и открытым. Ее самоубийство было необъяснимо.

Когда ее внесли, умирающую, в дом, и мать, в ужасе, умоляла ее сказать, зачем она это сделала, – Жанна проговорила только: «je ne sais pas»¹... А через несколько времени, закрыв глаза, прошептала: «je suis heureuse»²... С тем и умерла.

Я думаю, она была искренна. Я думаю, многие из толпы непонятых, неизвестных самоубийц того времени могли бы ответить на вопрос о причине, толкнувшей их в смерть, только этими же словами: «я не знаю»... и «я счастлив». Их было много; может быть, столько же, за время Французской

¹ «я не знаю» (фр.).

² «я так счастлива» (фр.).

революции, сколько убитых и чужой рукою. А у нас, за последние страшные месяцы и дни России? Убивают себя дети, молодые девушки, офицеры. То здесь, то там проскальзывает краткое сообщение: «застрелился в поезде»... «отравилась по неизвестной причине» или «гимназистка пошла в детскую и выстрелила себе в грудь, ранена, на вопросы родителей не отвечает». Некоторые, правда, оставляют записки вроде: «слабым людям в такое время жить нельзя», – но разве и это, в сущности, не то же «не знаю» искренней Жанны Ферро, просто «не знаю... тоска... мне лучше умереть... хочется умереть»?

Самоубийцы погибают безвестнее и глуше, одиноко, у них нет имен. Но эти самоубийцы такие же революционеры, как и те, кто погиб среди толпы, в жаркой схватке двух разъяренных партий. Как и те, кто мужественно встретил казнь. И те, и другие, по неизвестной им самим причине, влеклись к смерти, втайне; только убиваемым казалось, что они умирают для чего-то; а у самоубийц этого призрака не было, они откровенно хотели умереть потому что, хотя почему именно – не знали. Счастливы же смертью были те и другие одинаково.

Эта любовь к смерти, влечение к смерти, так явно всплывающие во времена крупных общественных переворотов, кажется странной. Мы привыкли думать, что в те эпохи истории, когда выступает вперед сила человеческой общности – жизнь делается необыкновенно яркой, события бегут,

действия совершаются, ощущение жизни, именно жизни, ее реальности, – удваивается, удесятеряется... Вечная правда, по страшная, потому что она тотчас же, незаметно, переходит в роковую ошибку. Удвоенная, утроенная жизнь тотчас же, неуловимым переходом каким-то, в следующее же мгновение, переходит в смерть, и длится, продолжается уже не жизнь, а смерть. Жизнь, с момента, когда сила человеческой общности начинает заслонять от каждого все, что не она, поглощать человека, делая его частью, куском человечества народа, – жизнь, как реальное ощущение, бледнеет, стирается. Реальной и пленительной своей реальностью, своим истинным бытием, – остается одна смерть. Ее, а не жизнь, чувствует, как единую действительность, тело и душа каждого человека.

Так просто: мы забываем, что для того, чтобы была жизнь – необходимо, чтоб был человек. Человек сначала (первое необходимое условие) – человечество потом (второе условие, такое же необходимое, но второе, и вытекающее из первого, как следствие из причины). Может быть, слова «сначала» и «потом» – не совсем точны тут, как слишком определяющие время. Вопрос «личности» и «общественности» не разрешается вполне – для нашего сознания – в области только временно-пространственной, только логически или математически. Пример образный, давая понятие, тоже не будет исчерпывающим. Но я все-таки сказал бы, что для того, чтоб был свет (жизнь) – нужно, чтоб было солнце и лучи, от него

исходящие. Солнце сначала, сперва, как первое необходимое условие, а от него лучи, идущие во вне, и во вне свет. Но, конечно, как мы не можем представить себе солнце без лучей ни на единое мгновение времени (или солнце с лучами без света) – также и личность, человека, никогда не представим без человечества, без общественности. Всегда все, во все времена, вместе – и все-таки ясно, что от чего: жизнь от лучей и от солнца, а не наоборот. Насколько ярко и горячо солнце – настолько ярок и светел свет. Чуть зарождавшаяся личность, бессознательная, даже как слепое самоощущение – давала и соответственный свет, соответственную общественную жизнь. (Говорю, конечно, вообще о росте личности в историческом процессе, движении вперед самоощущения и самосознания.) Если начнет меркнуть солнце – может, пожалуй, показаться на одно мгновение, что свет вспыхнул ярче, – но света не удержать, он иссякает, уходит, жизнь, как жизнь – должна замереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.